

Он возвращается домой в ночи через кладбище. Можно пройти и не через кладбище, если его обогнуть. Получится ненамного дольше. Но он идет через темное кладбище. Там, у Преображенской церкви, горит огонек, там, чуть левее — пантеон Игумновых, самой знаменитой фамилии в Лебедяни, а рядом — могилы Лебедевых, его родичей. Я спрашивал у него: почему не обогнешь, почему заходишь в старинные кладбищенские ворота и идешь по неширокой тропинке, где справа и слева: кресты, кресты, кресты. Он ответил: а зачем огибать, чем кладбище хуже парка, даже лучше, тут все свое, родное.

Тут пришла моя очередь задуматься — действительно, зачем? И почему кладбищенский топос — по крайней мере, в нашей обыденной жизни — преподносится как что-то, по меньшей мере — неуместное, о чем не принято много говорить, размышлять в обществе. Стыдно? Страшно? Странно. В инстаграме ведь сейчас не постят фото с похорон родственников, а раньше в альбомах были такие черно-белые фотографии: открытый гроб, вокруг — скорбящая семья. А он на занятиях на журфаке в мультимедийный лонгрид умудрился вставить такие семейные фото.

Все эти размышления важны для обсуждения книги Павла Пономарева «СО-БЫТИЕ. Дневник молодого человека»¹. Воспоминания двадцатилетнего!

¹ Павел Пономарев. СО-БЫТИЕ. Дневник молодого человека. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020.

Павел родился в Лебедяни, даже не так, в пригородной слободе, называется Пушкиро-Кладбищенская. Вокруг центра Лебедяни несколько таких слобод, есть еще Покрово-Казацкая, Покрово-Инвалидная.

Глубоко неправы те люди, которые считают, что губернские и уездные города России похожи друг на друга. Нет, каждый город самобытен и уникален. Лебедянь — один из таких. Дон здесь юн и нежен, в листьях кувшинок. Где еще такой увидишь? А высокие берега с меловыми отложениями придают донской воде какой-то неповторимый темно-синий оттенок. А топонимы: Тяпкина гора, Христовоздвиженская улица, 1-е Пушкиари... А мост 1910 года постройки, ставший пешеходным... Многое здесь удивительно и особо. Нужно только разглядеть все это. Нужно только стереть слой пыли, чтобы яснее проявилось необщее выражение лица города. Кто же это сделает? Подвижники!

Павел горячо любит свою Лебедянь и ее подвижников. С любви начинаются его дневники, ею они продолжают: к предкам, к землякам и городу, к друзьям, к женщине. Со-бытие в любви и творчестве — разве что-то нужно еще в земной жизни? Так получается, что герой дневников близок городским подвижникам, да ведь он один из них, младший. Поэтому так доверительны и даже временами трогательны их откровения.

Геннадий Алексеевич Липатников — военрук, краевед и художник в душе.

«Ну, куда поедем? — спрашивает Геннадий Алексеевич. И тут же сам отвечает: — Я люблю разговаривать там, где душе приятно — поедем в Троицкий монастырь?»

Подъезжаем к монастырским воротам. За еловыми ветвями и каменными бойницами монастыря (стена XVII века постройки — тогдашний форпост на границах с Диким полем) — купола Троицкого собора. Горят на позднейонском утреннем солнце.

Замечаю, как Геннадий Алексеевич вдыхает здешний воздух — хорошо в обители.

— Держи, — протягивает мне плотный лист, сложенный в несколько раз.

Разворачиваю: карта Липецкой области. Но не просто карта. На географических точках исторические лица: Чаплыгинский район — Семенов-Тянь-Шанский; Хлевенский район — адмирал Синявин; Елецкий район — Бунин; Лев-Толстовский район — Лев Николаевич...

— Видишь? — показывает еще не зажженной сигаретой, которую не выпускает из рук. — На каждое место свой известный земляк. А теперь слушай: почему бы нам не сделать такую же карту, только по нашему, Лебедянскому району? Вот Лебедянь — тут Замятин, Игуменов, Савинки — генерал Шиловский. Шовское — Силуан Афонский. И так далее. Ты подберешь материал, мы его вставим в карту как приложение. На мне дизайнерская часть и расходы. И спонсоры. А потом растиражируем по городу — история же. Люди знать должны. Как тебе?»

Иногда, к сожалению, бывает так: в маленьком городке или селе живет один-разъединный краевед-энтузиаст, и ему крайне тяжело найти сподвижников, чтобы вытянуть эти кажущиеся не главными (не хлеб же насущный) дела сохранения культурно-исторического наследия своей малой родины. Да, часто на помощь приходят учителя, школьники, но сил и ресурсов катастрофически не хватает. Старинной Лебедяни повезло. Здесь таких энтузиастов, мечтателей, одержимых, идейных — не один в поле воин.

Николай Иванович Пашинцев — еще один герой лебедянских дневников Павла Пономарева — тоже из военных, майор, выпускник Академии ракетных войск имени Дзержинского. Именно его попросил возглавить созданный всеобщими усилиями культурный центр «Дом Игуменовых» лидер лебедянских подвижников — краевед, журналист и общественный деятель Валерий Акимов. «Дом Игуменовых» — красивый двухэтажный купеческий особняк на бывшей Большой Дворянской (улицы в Лебедяни так же, как и в историческом центре Воронежа, имеют двойное название).

Именно ему суждено было в середине 2010 годов стать центром притяжения лебедянской интеллигенции. А автор дневников — Павел Пономарев — стал верным помощником и товарищем Пашинцева. Именно Павла попросил Николай Иванович собрать талантливую молодежь Лебедяни на первый творческий вечер: «Паша, кто из лебедянской молодежи занимается творчеством? Пишет, сочиняет, играет... Всех собирай! И позовем “стариков”, в качестве гостей. Не все им выступать. Зовите друзей, девушек, учителей — кого сочтете нужным. И встреча состоялась — в январе 2016 года. Когда все приехали на каникулы. Правда, зимние каникулы недолгие. Другое дело — летние каникулы.

Летом повторили — получилось лучше. И солнце, и опыт первой встречи пошли на пользу. Решили повторить еще — народ требовал.

В конце концов, “Творческая встреча лебедянской молодежи” превратилось в “Творческое лето в Лебедяни”.

“Творческое лето” — в “Творческие времена года”.

“Творческие времена” — в творческие годы.

Все эти годы наши дела с Николаем Ивановичем перемежались: организационные, культурные, творческие, товарищеские. И, в конечном счете, дружеские.

Рутинная становилась творческим процессом.

Связующее дела слово — беседой. Откровением.

Деловые отношения — энергетически родственной связью.

Те, кто нас не знали и видели вдвоем впервые, спрашивали:

— Вы отец и сын?

Оба высокие, худощавые, в очках. С вьющимися светлыми волосами.

Отцовство было духовное — не только даже и не столько ко мне, сколько ко всем нашим ребятам».

Так буквально на наших глазах создается городская культурная среда. И наш автор оказывается в эпицентре этого процесса: сначала помогает его со-творить, а чуть позже описывает его в своих дневниках.

Сам Павел как представитель творческой молодежи тоже много раз выступал в гостинице «Дома Игумновых» со своими юношескими стихами.

Николай Иванович их любил:

— Ну, давай еще почитай. И вот то обязательно — про Пашку, Лидию и кефир.

В дневниках Пономарев не дает своих юношеских строк. А мне захотелось их вытти. И я нашел их в первом стихотворном сборнике Павла Пономарева «Покров», даже не юношеском, а, скорее, отроческом, ученическом. А стихи — живые и искренние, от души:

Кому-то в грезах снится Машка,
А Машке — Ванька, Ваньке — Дашка,
А Дашке — Сашка и Сережка.
Вот только Лидии одной
Не снится Пашка «дорогой».
А Пашке Лидия, зараза,
Во сне приходит по три раза!

Расхожая фраза — «мне везло с окружающими меня людьми» — на самом деле ничего не отражает и ни о чем не свидетельствует. Потому что это не везение: мы сами ищем и находим, собираем вокруг себя или собираемся вокруг другого человека, близкого нам по духу, душевному складу, стремлениям. Ты тот, кто вокруг тебя, тот, вокруг кого ты. Скажи мне, кто твои друзья, кто твои наставники?

Павел с большой любовью и пиететом пишет о них, наставниках, но чувствуется, они одной крови, и диалог с ними идет не снизу вверх, а на одной волне, на одной линии, линии достигаемого горизонта. И кажется, что все повторяется вновь и в Твери

в июле 2017 года на слете молодых поэтов «Зеленый листок», и у памятника «шести-десятиникам», где корешками книг плечом к плечу стоят Белла, Андрей, Владимир, Роберт, Евгений, Булат, Андрей Деметьев:

«Стою в паре метров от Андрея Дмитриевича (Дементьева. — А.З.), также опер-шись на ограду, вижу его влюбленно-вдохновенные глаза — горевшие, когда мы читали свои стихи. Горевшие, когда мы слушали его:

Мы скаковые лошади азарта.
На нас еще немало ставят карт.
И, может быть,
Мы тяжело рухнем завтра.
Но это завтра.
А сейчас — азарт.

Рука движется вверх, к памятнику, замирает на высоте и с этой высоты обнимает нас. Кажется, нет этого полувека, отделяющего нас от них. Кажется, они сейчас здесь, среди нас — молодые, влюбленные, смелые. А они — это мы. И молодой Дементьев среди нас — здесь и сейчас: читает с нами свои стихи.

Кажется, так будет всегда.

Вот ведь «связь поколений» — тоже расхожая фраза. А как олицетворилась!

У Павла Пономарева все главы книги «Из дневников». И только одна называется по-особому — «Лев Ефремович». Мы все, несколько поколений филфаковцев и журфаковцев Воронежского госуниверситета, нысколь из кройчиковской шинели и всегда думали, что он ею нас укроет всегда. Вот уже ушли из журфаковских коридоров фигуры Колосова, Антюхина, Кривенко, Кулиничева, Худяковой, Козырева, Смирнова... Один профессор Кройчик оставался незыблемым, вне времен, которые он не выби-рал. Но уход, несмотря на кажущуюся вечность впереди, всегда неожиданен, и «смешно не поддаваться, если ты стена». Так уж вышло, что Павел Пономарев оказался последним любимым учеником Мастера. Они дружили недолго, но душа в душу. Что тут еще сказать: им обоим повезло!

«Лев Ефремович отвернулся к стене, на которой висит ковер, купленный в пору дет-ства мамой, Дорой Моисеевной, в Иране, и провел рукой по теплой, мягкой памяти.

— Лев Ефремович, — говорю я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе, — но та ваша шко-ла... то, что вы вложили в меня... теперь останется со мной навсегда. И это уже нику-да не денется.

И тогда он повернулся, посмотрел на меня и ответил:

— А все-таки не хочется уходить. Дожить бы до мая — до юбилея. До “Тогда...”»

Кажется, тогда Павел сказал свои слова за всех нас...

«Воронежский вечер. Никитинская улица. Толпа. Идут стеной. На красный свет. Поют Визбора, Окуджаву, Высоцкого. Кричат что-то рифмованное, похожее на стихи.

Нечастые прохожие шарахаются, не успевая разобратъ и вслушаться.

Первый думает — пьяные.

Второй — маргиналы.

И только пятый понимает — поэты.

А они идут дальше. Впереди — светофоры. Идут не останавливаясь...»

Я завидую им, сегодняшним двадцатилетним, поколению десятых и двадцатых. И никакие они не зумеры и даже не миллениалы: Сергей Рыбкин, Василий Нацентов, Кристина Маркова, Иван Стеблюк, Екатерина Макушина, Аман Рахметов, Эля Пархоц... Поэты, романтики? Да!

Им немного за двадцать, а уже есть книги стихов, публикации в толстых столич-

ных журналах, победы в конкурсах. А еще любви, дружбы, потери. Вот и Павел пишет о том, что не стало дорогих его сердцу Геннадия Алексеевича Липатникова, Николая Ивановича Пашинцева, Андрея Дмитриевича Дементьева, Льва Ефремович Кройчика. И надо жить уже без них, работать, писать без их пристальных взглядов.

Вспоминаю себя, нас в наши двадцать с небольшим. Мы в восьмидесятые и девяностые годы XX века радовались публикациям в университетском «Дне поэзии», литературной странице «Гренада» в «Молодом коммунаре» и своей журфаковской студии, которая, конечно же, никак не могла обойтись без нашего общего Кройчика.

Впрочем, разве это главное, где тебя напечатают в двадцать... Главное — потом ничего не растерять, не перестать творить, оставаться интересным и дорогим не только близким, но и друзьям, городу, миру.

Параллельно с книгой Павла Пономарева читал «Заметки вашего современника» Ярослава Кирилловича Голованова — его дневники, написанные за пятьдесят лет и опубликованные в 2001 году, на восходе XXI века. Голованову в 2001 году было под семьдесят. А самым интересным в его ранних заметках было узреть, прочувствовать это удивительное превращение мальчика в мужчину, в журналиста, в писателя, в творца. Знающие люди говорят, что «Заметки вашего современника» — лучший учебник по журналистике.

«Торчал на работе. Очень подходящий глагол для определения моей деятельности: торчать».

«На улице — весна. На крышах спят маляры. На бульварах в колясках сидят младенцы, безучастные и надменные, как восточные владыки».

«Звучит музыка, столы ломаются от яств. Вино льется рекой, красивые женщины с чудесным телом отдаются по первому взгляду, короче — все! И так 10, 100, 1000 лет подряд. Вот это и есть, наверное, ад».

Это записки 1957 года. Здесь Ярославу Голованову около 25 лет, как Павлу сегодня, и Ярослав еще не знаменитый научный журналист «Комсомольской правды».

А на завершающих книгу Пономарева дневниковых страницах листок, слетевший вдруг с лебедянской липы, увидит, опережая время, все то, чего никто на земле еще не знает. Попробуем попопроочествовать и мы.

В шестидесятые годы, в 2060-е, Павлу Алексеевичу Пономареву, дай Бог, будет под семьдесят. И у него в эти неведомые пока времена тоже выйдут «заметки нашего современника». И первыми этюдами будет что-то отсюда, из «Дневников молодого человека». И мы все это непременно почитаем!

P.S. Зое Колесниковой — о ней много у Павла, — Сергею Пылёву, Александру Бунееву, Ивану Щёлокову, Владимиру Гордейчеву, Льву Кройчику и всем-всем, кто помогал, помогает и будет помогать рождаться поэтам и прозаикам, посвящая эту рецензию.

